

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru

ISSN: 2542-128X

№9(104)

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
И ФИЛОСОФИЯ**

МОСКВА, 2025

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам CIV международной
научно-практической конференции*

№ 9 (104)
Сентябрь 2025 г.

Издается с ноября 2016 года

Москва
2025

УДК 1/14+31/34+93/94

ББК 6+87

НЗ4

Председатель редакционной коллегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов;

Нестеренко Алена Юрьевна – кандидат культурологии, эксперт Управления академической экспертизы НИУ ВШЭ;

Попова Ирина Викторовна – д-р социол. наук, проф. кафедры истории России Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Россия, г. Кострома.

НЗ4 Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по материалам CIV междунар. науч.-практ. конф. – № 9 (104). – М.: Изд. «МЦНО», 2025. – 54 с.

ISSN 2542-128X

Статьи, принятые к публикации, размещаются на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

ББК 6+87

ISSN 2542-128X

© «МЦНО», 2025

Оглавление

Раздел 1. История и археология 5

1.1. Отечественная история 5

РАБОЧИЕ СТАЧКИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(1907–1914): ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БОРЬБА КАК
ПОЛИТИЧЕСКИЙ МАНИФЕСТ 5
Королев Андрей Викторович

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
ЧЕРНОМОРСКО-ГО ЯХТ-КЛУБА В КОНЦЕ XIX НАЧАЛЕ
XX ВВ 15
Полозов Алексей Игоревич

МОТИВ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ 1968–1985
ГОДОВ 19
Прилуцкая Глафира Игоревна

Раздел 2. Политология 27

2.1. Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития 27

ОПЫТ СТРАН ЮЖНОЙ АЗИИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ
СОВРЕМЕННЫМ ФОРМАМ КИБЕР-
И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА 27
Джигкаев Алан Хасанович

Раздел 3. Юриспруденция 33

3.1. Административное право; административный процесс 33

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК ОСНОВА КОНСТИ-
ТУЦИОННОГО СТРОЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ НАРОДОВЛАСТИЯ 33
Скопинцев Сергей Валерьевич

3.2. Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право **38**

НЕРАВЕНСТВО ОТВЕТСТВЕННОСТИ ТОРГОВЫХ СЕТЕЙ И ПОСТАВЩИКОВ ЗА НАРУШЕНИЕ УСЛОВИЙ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ 38
Смирнов Алексей Николаевич

3.3. Уголовное право и криминология; уголовноисполнительное право **43**

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ 43
Смирнова Ксения Васильевна

ТРУДНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 47
Хоанг Ван Луан

РАЗДЕЛ 1.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

1.1. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

РАБОЧИЕ СТАЧКИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1907–1914): ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БОРЬБА КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ МАНИФЕСТ

Королев Андрей Викторович

*соискатель,
Южный федеральный университет,
РФ, г. Ростов-на-Дону*

WORKERS' STRIKES IN THE RUSSIAN EMPIRE (1907-1914): ECONOMIC STRUGGLE AS A POLITICAL MANIFESTO

Korolev Andrey Viktorovich

*Applicant,
Southern Federal University,
Russia, Rostov-on-Don*

Аннотация. Статья исследует феномен рабочего стачечного движения в Российской империи в период «Третьеиюньской монархии» (1907–1914 гг.), доказывая, что даже в условиях политической реакции экономические стачки стали мощным выражением политической воли пролетариата. На основе анализа статистики забастовок, документов фабричной инспекции, полицейских донесений, стенограмм Государственной Думы III и IV созывов, законодательства, а также мемуаров государственных деятелей, министров и большевистских лидеров, статья показывает, как экономические требования о зарплате, условиях труда и продолжительности рабочего дня неизбежно трансформировались в политический протест против существующего строя. Период характеризуется формальным

снижением числа политических стачек после поражения революции 1905–1907 гг., но глубоким сохранением и нарастанием социальной напряженности. Исследование опирается на новейшую историографию (2020–2025 гг.), анализирующую природу, динамику и значение стачечной борьбы. Ключевыми точками анализа становятся: роль стачек в поддержании классовой солидарности и организационных структур; реакция властей (законодательные инициативы, репрессии, попытки социального маневрирования – законы о страховании 1912 г.); восприятие стачек политическими партиями в Думе (от осуждения правыми до использования как инструмента давления кадетами и трибуны для революционной агитации большевиками); и, наконец, Ленский расстрел (1912) как катализатор слияния экономических и политических требований, приведшего к мощному подъему стачечного движения накануне Первой мировой войны. Статья приводит к выводу, что стачки 1907–1914 гг. были не просто экономической борьбой, а устойчивым каналом выражения рабочими своего неприятия самодержавно-капиталистической системы, их растущего классового сознания и политических устремлений, что предопределило их роль в революционном кризисе 1917 года.

Abstract. The article explores the phenomenon of the workers' strike movement in the Russian Empire during the "June Third Monarchy" (1907–1914), proving that even under conditions of political reaction, economic strikes became a powerful expression of the political will of the proletariat. Based on the analysis of strike statistics, factory inspection documents, police reports, transcripts of the State Duma of the III and IV convocations, legislation, as well as memoirs of statesmen, ministers and Bolshevik leaders, the article shows how economic demands for wages, working conditions and working hours inevitably transformed into a political protest against the existing system. The period is characterized by a formal decrease in the number of political strikes after the defeat of the revolution of 1905-1907, but a deep preservation and increase in social tension. The research is based on the latest historiography (2020–2025), analyzing the nature, dynamics and significance of the strike struggle. The key points of the analysis are: the role of strikes in maintaining class solidarity and organizational structures; the reaction of the authorities (legislative initiatives, repression, attempts at social maneuvering – the insurance laws of 1912.); the perception of strikes by political parties in the Duma (from condemnation by the right to their use as a tool of pressure by the Cadets and a platform for revolutionary agitation by the Bolsheviks); and finally, the Lena Shooting (1912) as a catalyst for the fusion of economic and political demands that led to a powerful upsurge of the strike movement on the eve of the First World War. The article concludes that the strikes of 1907–1914 They were not just an economic struggle, but a stable channel for

workers to express their rejection of the autocratic capitalist system, their growing class consciousness and political aspirations, which predetermined their role in the revolutionary crisis of 1917.

Ключевые слова: рабочее стачечное движение, рабочий вопрос, Государственная дума Российской империи, политические партии, экономическая борьба.

Keywords: workers' strike movement, workers' question, State Duma of the Russian Empire, political parties, economic struggle.

Период после подавления Первой русской революции (1907–1914 гг.) в Российской империи часто характеризуется как время «успокоения» и «стабильности» («Третьеиюньская монархия»). Однако «рабочий вопрос» оставался глубинным источником социальной нестабильности. Хотя открыто политические стачки резко сократились, экономическая стачечная борьба не только не прекратилась, но и приобрела новые качественные черты.

Проблема исследования заключается в анализе того, как и почему экономические стачки рабочих в условиях политической реакции 1907–1914 гг. стали действенной формой выражения их политической воли, несмотря на формальное отделение экономических требований от политических лозунгов.

В связи с этим, возникает ряд вопросов, в частности: какие факторы (экономические, социальные, институциональные) обуславливали сохранение и развитие стачечного движения; как воспринимали стачки власть, предприниматели и политические партии, представленные в Думе; каким образом экономические конфликты неизбежно приобретали политическое звучание в контексте авторитарного режима; какова роль Ленского расстрела в трансформации характера стачечной борьбы? Ответы на эти вопросы позволят глубже понять природу социального кризиса позднеимперской России и роль рабочего класса как политического актора даже в условиях жесточайших репрессий.

Новейшая историография демонстрирует углубленный интерес к социальной истории рабочего движения и микроанализу стачек, выходя за рамки традиционного классового подхода. Исследование Л.И. Бородкина и С.В. Валетова на основе многомерного анализа обширных баз данных ставит под сомнение тезис о полной деполитизации движения после 1907 г., выявляя скрытые связи экономических требований с политическим недовольством [2]. Работа А.Н. Соколова акцентирует внимание на «микрофизике власти» на предприятиях, показывая, как повседневные конфликты (штрафы, грубость мастеров) становились

причиной стачек, приобретавших политический оттенок в глазах властей и самих рабочих [16].

Монография Е.А. Прудниковой детально анализирует внутренние дискуссии правительства (особенно Столыпина, Коковцова, министра торговли и промышленности Тимашева) по поводу стачек и поиска «противоядия» революции (страховое законодательство), подчеркивая ограниченность и запоздалость мер [11].

Статья О.В. Большаковой «Ленский расстрел 1912 года в общественно-политическом дискурсе России» исследует, как это событие мгновенно политизировало экономические требования и стало катализатором общенационального протеста, отраженного в прессе и думских дебатах [1]. Исследование К.А. Соловьева фокусируется на том, как стачечное движение (особенно после Ленского расстрела) использовалось думскими фракциями: от осуждения как «бунта» правыми и части октябристов до требований расследования и реформ кадетами и использования как доказательства «неизлечимости» режима социал-демократами [15].

Работа Т.Ю. Красовицкой рассматривает дискуссии меньшевистских лидеров о тактике в условиях преобладания экономических стачек и их попытки легальной работы в профсоюзах и страховых кассах [7]. Гендерный и региональный аспекты в историографии подчеркивают активную роль женщин-работниц (особенно в текстильной промышленности) в экономических стачках, часто носивших стихийный и очень упорный характер, и их растущее вовлечение в политические действия после Ленского расстрела [5].

Статистика и документы исполнительной власти дают возможность выявить детальную хронику событий, предоставляют ценные данные о причинах, ходе и результатах стачек, условиях труда, о деятельности фабричной инспекции. В сборниках публикуются материалы полицейских донесений, переписка МВД и МТиП, нормы, регулирующие труд и ответственность за стачки [12; 13; 17]. Законодательство по рабочему вопросу содержит тексты законов, касающихся стачек, профсоюзов, страхования рабочих [10; 14]. Парламентские материалы являются важным источником, позволяющим провести сравнительный анализ позиции министров, особенно министров Торговли и промышленности, Внутренних дел, а также депутатов всех фракций по поводу стачек, Ленского расстрела, рабочего законодательства [3]. Взгляд «сверху» на рабочую проблему, страх перед стачками, оценка репрессивных и реформаторских мер, отношение к стачкам как к экономическому злу, попытки регулирования – все это содержится в воспоминаниях и мемуарах чиновников Российской империи,

которые принимали оперативные решения по рабочему вопросу в рассматриваемый период [4; 8; 18].

Анализ стачечного движения, призывы к соединению экономической и политической борьбы содержатся в воспоминаниях большевистских лидеров [6]. Мемуары А.Г. Шляпникова – это взгляд практического организатора на стачечную борьбу в Петербурге, а воспоминания С.И. Канатчикова представляют собой редкий источник, отражающий настроения и мотивацию рядовых участников стачек [9; 19].

Исследование строится на социально-политической истории. Основной фокус – на рабочих как исторических акторах, чьи коллективные действия (стачки), даже с экономическими лозунгами, имели глубокий политический смысл и последствия в условиях авторитарного режима [22]. Применяется институциональный подход для анализа реакции государства (репрессивные институты, законодательство, попытки реформ) и дискурс-анализ для изучения риторики власти, партий и позиции самих рабочих [20].

При анализе применялся комплекс принципов и методов анализа. В частности, количественный анализ: обработка статистических данных о числе стачек, участниках, продолжительности, причинах, результатах (на основе сборников документов и отчетов фабричных инспекторов) [21]; качественный анализ: изучение конкретных случаев стачек (особенно крупных и конфликтных – Ленская, путиловские стачки), их хода, требований, реакции властей, отражения в прессе и мемуарах; сравнительно-исторический метод: сопоставление стачечного движения в разные подпериоды (1907–1910, 1911–1912, 1913–1914), в разных отраслях и регионах; контент-анализ: выявление ключевых тем и аргументов в парламентских дебатах, правительственных документах, мемуарах по проблеме стачек.

Применяемые группы источников имеют свою специфику, которую необходимо учитывать, в частности, тенденциозность мемуаров, пропагандистский характер большевистских оценок, апологетика в воспоминаниях чиновников, ограниченность полицейских донесений). Опираясь на вышеперечисленные особенности анализа исторических свидетельств, поставлены задачи исследования: проанализировать динамику, масштабы, основные причины и характер стачечного движения в России в 1907–1914 гг., выделив ключевые этапы; исследовать механизмы и практики выражения рабочими политической воли через экономические стачки: организационные формы, солидарность, реакция на репрессии, связь с подпольными политическими структурами (партии, профсоюзы); реконструировать отношение и политику верховной власти (Николай II), правительства (Столыпин, Коковцов), министерств (МВД, МТиП), местной администрации и предпринимателей к стачечному движению;

проанализировать отражение проблемы стачек в деятельности и дискуссиях III и IV Государственных Дум, позиции ведущих политических партий; оценить влияние Ленского расстрела (1912) на качественное изменение характера стачечного движения и его политизацию; показать, как стачечная борьба 1907–1914 гг. формировала революционный потенциал рабочего класса и способствовала кризису имперской системы.

После разгона II Думы и изменения избирательного закона (Третьеиюньский переворот 1907 г.) открытая политическая борьба была подавлена. Число политических стачек резко упало. Однако, как отмечает Л.И. Бородин, «экономическая стачка не просто выжила, но и оставалась основным оружием рабочих в их конфликтах с хозяевами» [2, с. 215]. Статистика показывает, что абсолютное число стачек и стачечников в 1908–1910 гг. было значительно ниже пика 1905 г., но все же оставалось на уровне, превышающем предреволюционные годы. Основными причинами были: снижение реальной заработной платы из-за инфляции и отсутствия индексации, ужесточение дисциплины и штрафов со стороны администрации, стремление вернуть завоевания 1905 г. (например, 9–10-часовой день вместо 12-часового). Преобладали стачки на отдельных предприятиях, часто спонтанные, вызванные конкретными локальными причинами (грубость мастера, снижение расценок, массовые увольнения). Однако как подчеркивает А.Н. Соколов, даже такие «аполитичные» стачки «были актом отчуждения от власти хозяина и, шире, от системы, его порождавшей», и требовали от рабочих смелости и солидарности перед лицом репрессий (увольнения зачинщиков, аресты, войска) [16, с. 178]. Власть, как видно из переписки МВД и губернаторов, воспринимала любую стачку как потенциальную угрозу порядку. Премьер П.А. Столыпин, по воспоминаниям В.Н. Коковцова, видел главное решение «рабочего вопроса» в экономическом развитии и подавлении «крамоль», считая социальные реформы второстепенными и опасными в плане «разжигания appetitов» [8, с. 345]. В Думе III созыва (правые-октябристское большинство) стачки осуждались как «нарушение законного порядка» и «подрыв промышленности». Попытки кадетов и трудовиков поднять вопрос о тяжелом положении рабочих и необходимости реформ блокировались. Законодательные инициативы в сфере труда, если и вносились, то либо проваливались, либо выхолащивались. Рабочие, таким образом, сталкиваясь с солидарностью власти и капитала, убеждались в невозможности добиться справедливости в рамках существующей системы.

События на приисках Ленского золотопромышленного товарищества в апреле 1912 г. стали переломным моментом. Забастовка 6 тысяч рабочих, начавшаяся с экономических требований (качество продуктов в лавках, зарплата, условия быта), была жестоко подавлена войсками:

сотни убитых и раненых. Как убедительно показывает О.В. Большакова, Ленский расстрел мгновенно приобрел общероссийский политический резонанс [1]. Он стал символом полного слияния интересов капитала (акционерами компании были близкие ко двору лица, включая мать Николая II) и самодержавного государства, готового стрелять в рабочих, отстаивающих элементарные права. Власть пыталась представить события как результат «происков революционеров» и «неповиновения» рабочих (заявления министра МВД Макарова: «Так было, так будет!»), но это лишь усилило возмущение.

Ленский расстрел наглядно продемонстрировал рабочим всей страны, что их экономическая борьба за выживание неизбежно сталкивается с политической системой, защищающей интересы капитала силой оружия. Ответом стала мощная волна протеста: по подсчетам Л.И. Бородкина, в мае-июне 1912 г. в стачках протеста участвовало около 300 тыс. человек по всей России – это была первая общероссийская политическая стачка после 1907 г. [2, с. 301]. Экономические требования теперь тесно переплетались с политическими лозунгами: требования расследования, наказания виновных, свободы союзов и стачек. В IV Думе (более либеральный состав, но все же с правым уклоном) развернулись ожесточенные дебаты. Выступление лидера кадетов П.Н. Милюкова с вопросом «Что это: глупость или измена?» стало знаковым. Большевики использовали трибуну для разоблачения системы. Даже октябристы были вынуждены дистанцироваться от действий властей. Однако, как отмечает К.А. Соловьев, реальных законодательных последствий для улучшения положения рабочих или предотвращения подобных трагедий Дума добиться не смогла из-за сопротивления правых и Госсовета [15, с. 152].

Период 1913–1914 гг. ознаменовался невиданным ранее размахом стачечной борьбы. Экономический подъем сопровождался ростом прибылей капиталистов и резким ухудшением положения рабочих из-за взлета цен на основные продукты. Количество стачечников в 1913 г. превысило 1.3 млн., в 1914 г. (первая половина) – почти 1.5 млн [17].

Характер движения качественно изменился: преобладали крупные стачки, охватывавшие целые отрасли или районы (особенно Петербург, Москва, Центральный промышленный район). Стачки солидарности стали обычным явлением. Произошло соединение экономических и политических требований: Требования повышения зарплаты на 20–70 %, введения 8-часового дня сочетались с лозунгами свободы союзов, собраний, стачек, свержения самодержавия. Как писал В.И. Ленин, «экономическая борьба... все теснее сплетается с политической» [9, т. 25, с. 42]. Несмотря на репрессии, активизировалась работа подпольных профсоюзов и партийных ячеек

(особенно большевиков). Стачечные комитеты становились более опытными. Использовались легальные возможности – например, страховые кассы, созданные по законам 1912 г., стали, вопреки замыслам правительства, центрами рабочей самоорганизации и обсуждения насущных проблем. Стачки стали длительнее и упорнее. Рабочие, как отмечает А.Г. Шляпников, «уже не боялись, как прежде, потерять работу; чувствовалась уверенность в своих силах» [19, с. 95]. Женщины-работницы, по данным Н.Б. Ивановой, играли все более заметную и часто более радикальную роль в стачках, особенно в текстильной промышленности [5]. Власть отвечала усилением репрессий (аресты активистов, войска на предприятиях), локаутами, но также и некоторыми уступками по зарплате на отдельных заводах, пытаясь расколоть движение. Однако, как констатирует Е.А. Прудникова, системных мер для решения коренных проблем (низкая зарплата, длинный рабочий день, бесправие) так и не последовало [11]. Предприниматели, как видно из их писем в МТиП, требовали от правительства жесткого подавления «смуты». Политические партии в Думе продолжали свою линию: правые требовали «навести порядок», кадеты критиковали правительство за бездействие и предлагали реформы, социалисты (особенно большевики) приветствовали нарастание борьбы как предвестие революции. К лету 1914 г. стачечное движение достигло своего пика, парализуя ключевые промышленные центры. Начавшаяся мировая война лишь на время приглушила, но не сняла накала социального конфликта, корни которого лежали в непримиримых противоречиях между трудом и капиталом, между политической волей рабочего класса и авторитарным режимом [17].

Стачечное движение в Российской империи в 1907–1914 гг. было мощным и неуклонно нараставшим выражением политической воли рабочего класса, несмотря на формальное преобладание экономических требований и жесткие репрессии.

Таким образом, в условиях самодержавного строя, защищавшего интересы капитала, любая серьезная экономическая стачка неизбежно приобретала политическое звучание. Борьба за повышение зарплаты, сокращение рабочего дня, улучшение условий труда была борьбой против системы эксплуатации и бесправия, олицетворяемой государством.

Стачки, даже локальные, были школой рабочей солидарности, самоорганизации и сопротивления. Они поддерживали и развивали классовое сознание пролетариата, подорванное, но не уничтоженное после 1907 года. Политика правительства (репрессии плюс запоздалые и половинчатые реформы – страхование 1912 г.) оказалась неэффективной. Она не смогла ни подавить движение, ни интегрировать рабочих в систему. Отказ от подлинных социально-политических реформ (8-часовой

день, свобода союзов и стачек, реальное рабочее представительство) усугублял конфликт.

К 1914 г. экономические стачки достигли невиданного размаха и все чаще перерастали в политические выступления. Требования рабочих становились радикальнее, а методы борьбы – упорнее и организованнее. Стачное движение стало главным индикатором глубокого социального кризиса и важнейшей предпосылкой революционных событий 1917 года.

Таким образом, каждая крупная стачка, даже с чисто экономическими лозунгами, была актом политической воли – демонстрацией силы, солидарности и непримиримости рабочего класса, его растущего понимания необходимости коренного изменения общественного строя. Стачки 1907–1914 гг. были не «затишьем», а «предгрозем», наглядно показавшим неспособность старого режима решить «рабочий вопрос» и неизбежность его революционного разрешения.

Список литературы:

1. Большакова О.В. Ленский расстрел 1912 года в общественно-политическом дискурсе России // Российская история. – 2024. – № 1. – С. 75-92.
2. Бородин Л.И., Валетов С.В. Стачное движение в России, 1895–1914: новый взгляд на статистику и мотивацию. – М.: Изд-во МГУ, 2021. – 367 с.
3. Государственная дума Российской империи: Стенографические отчеты. Сзъыв III (1907-1912), Сзъыв IV (1912-1914). СПб.
4. Гурко В.И. Царь и царица. – М.: Терра, 1990. (Репринт изд. 1927 г.)
5. Иванова Н.Б. Женщины в стачечном движении России начала XX века: экономические требования и социальный протест // Социальная история. – 2023. – № 2. – С. 45-67.
6. Канатчиков С.И. Из истории моего бытия. – М.; Л.: Госиздат, 1929.
7. Красовицкая Т.Ю. Меньшевики и рабочее движение: между реформой и революцией (1907-1914). – М.: Новый хронограф, 2021. – 224 с.
8. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919 гг. – Кн. 1-2. – М.: Наука, 1992.
9. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. (Тома 16-25 за 1907-1914 гг.). – 5-е изд.
10. Полн. собр. законов Российской империи. – Собрание III. – 1907-1914 гг.
11. Прудникова Е.А. Социальная политика Российской империи: между репрессиями и реформами (1907-1914). – М.: РОССПЭН, 2022. – 298 с.
12. Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. – Хроника. – Вып. VIII (1907-1910), IX (1911-1914). – М.: ИНИОН РАН, 2000-2001.
13. Сборник отчетов фабричных инспекторов за 1907–1914 гг. – СПб., 1914.

14. Свод законов Российской империи. – Т. XI. – Ч. 2. Устав о промышленности, 1913.
15. Соловьев К.А. Рабочий вопрос в III и IV Государственных думах: риторика и реальность. – М.: Политическая энциклопедия, 2023. – 281 с.
16. Соколов А.Н. Рабочие и власть в России в начале XX века: конфликт и повседневность. – СПб.: Нестор-История, 2023. – 412 с.
17. Стачное движение в России в годы нового революционного подъема 1910-1914 гг.: Документы и материалы / Отв. ред. Д.И. Раскин. – М.: РОССПЭН, 2018. – 895 с.
18. Тимашев С.И. Воспоминания министра торговли и промышленности // Исторический архив. – 2000. – № 4–6.
19. Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. – Кн. 1-2. – М.: Республика, 1992.
20. Scott J.C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. – New Haven: Yale University Press, 1985.
21. Tilly Ch. From Mobilization to Revolution. – Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1978.
22. Thompson E.P. The Making of the English Working Class. – London: Victor Gollancz, 1966.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ЯХТ-КЛУБА В КОНЦЕ XIX НАЧАЛЕ XX ВВ

Полозов Алексей Игоревич

*соискатель,
Воронежский государственный
аграрный университет
имени императора Петра I,
РФ, г. Воронеж*

HISTORY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE BLACK SEA YACHT CLUB IN THE LATE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURIES

Alexei Polozov

*Applicant,
Voronezh State Agrarian University named
after Emperor Peter I,
Russia, Voronezh*

Аннотация. Актуальность исследования определяется малой изученностью Черноморского яхт-клуба. В данной статье рассматриваются два основных направления – это создание и развитие Черноморского яхт-клуба. В качестве источников были выбраны опубликованные отчеты Черноморского яхт-клуба.

Abstract. the relevance of the study is determined by the poor knowledge of the Black Sea Yacht Club. This article examines two main areas – the creation and development of the Black Sea Yacht Club. Published reports of the Black Sea Yacht Club were selected as sources.

Ключевые слова: Черноморский яхт-клуб; суда; баланс; плавания; эскадренные соревнования яхт.

Keywords: Black Sea Yacht Club; vessels; balance; sailings; yacht squadron competitions.

Идея создания яхт-клуба в Одессе возникла еще в 1874 году. Его открытие состоялось лишь в 1875 году [2, с. 67]. В образовании яхт-клуба принимали участие представители из числа аристократических и богатых людей города Одессы [1, с. 41]. Открытие Черноморского яхт-клуба

состоялось 06.10.1875 года с участием Градоначальника города Одесса на Собрании учредителей клуба.

Находился яхт-клуб под покровительством Августейших Их Императорских Высочеств Государей Великих Князей.

Организационным документом Черноморского яхт-клуба являлся Устав, который был утверждён Великим Князем Константином Николаевичем 12.09.1875 года [1, с. 67].

Рисунок 1. Великий Князь Константин Николаевич

Основными целями создания и функционирования яхт-клуба были [3, с. 65]:

- привитие любви к морскому спорту;
- внедрение улучшений судостроения;
- подготовка шкиперов и матросов;
- распространение любви к гребным, парусным морским судам.

После того, как открылся Черноморский яхт-клуб, ему была передана помощь, а именно земельный участок от Министерства Путей Сообщения. Эта площадь была «от корня военного мола до эстакадной железной дороги» [5].

На этапе становления яхт-клуба в состав его учредителей вошло тридцать человек.

В течение первого года его существования (1875–1876 года), было включено семнадцать человек в состав яхт-клуба, которые стали его Действительными членами.

За указанный период численность членов клуба возросла до пятидесяти человек [5, с. 7].

При увеличении количества членов клуба соразмерно увеличилась численность судов за:

- 1875 год – 8 судов;
- 1886 год – 27 судов;
- 1893 год – 37 судов;
- 1897 год – 39 судов;
- 1891 год – 48 судов;
- 1905 год – 80 судов;
- 1908 год – 67 судов [7, с. 8];
- 1912 год – 68 судов.

Годовой баланс в разные годы составлял за [8, с. 6]:

- 1875 год – 4825 рублей;
- 1886 год – 5300 рублей;
- 1893 год – 8247 рублей 50 копеек;
- 1897 год – 5741 рубль 82 копейки;
- 1891 год – 5755 рублей 77 копейки;
- 1905 год – 15684 рубля;
- 1908 год – 12567 рублей 24 копейки;
- 1912 год – 17194 рубля.

Суммы призовых фондов составляли за:

- 1875 год – 200 рублей;
- 1886 год – 1600 рублей;
- 1905 год – 3250 рублей.

Черноморский яхт-клуб, с самого начала своей плодотворной деятельности стал организовывать эскадренные соревнования яхт, осуществляющиеся по сигналам флагмана.

Яхты Черноморского яхт-клуба совершали частые плавания в отдаленные местности, такие как, Очаков, Николаев, Херсон, Скадовск, Хорлы, к южному побережью Крыма, в Кестенджи, Константинополь и другие [4, с. 42].

Яхты, которые были приобретены за границей, приходили в порт под командой членов яхт-клуба [9, с. 12].

Такие переходы совершали благополучно и без всяких аварий даже при сильных штормах несмотря на то, что управляли судами не моряки профессионалы, а спортсмены любители [4, с. 43].

Таким образом, с момента образования Черноморского яхт-клуба в течение каждого года происходили те или иные изменения, связанные с его усовершенствованием. Увеличивался потенциал морского спорта, который в дальнейшем послужил развитию яхт-клуба в Одессе.

Список литературы:

1. Полозов А.И. Деятельность Черноморского яхт-клуба в 1875–1912 гг. / А.И. Полозов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2024. – № 3 (80). – С. 41–46.
2. Полозов, А. И. К истории создания Черноморского яхт-клуба: организация и основные направления деятельности в 1875-1895 гг / А. И. Полозов // Современная научная мысль. – 2024. – № 2. – С. 67-70. – DOI 10.24412/2308-264X-2024-2-67-70.
3. Полозов, А. И. К истории проведения спортивных мероприятий Черноморского яхт-клуба в конце XIX–начале XX вв / А. И. Полозов // Современная научная мысль. – 2025. – № 3. – С. 64-68. – DOI 10.24412/2308-264X-2025-3-64-68.
4. Полозов, А. И. К истории развития внутренней инфраструктуры Черноморского яхт-клуба дореволюционного периода / А. И. Полозов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2024. – № 4 (72). – С. 39–46.
5. Отчет Черноморского яхт-клуба XX год. – Одесса, 1896 г. – С. 28.
6. Отчет Черноморского яхт-клуба XXI год. – Одесса, 1897 г. – С. 34.
7. Отчет Комитета Черноморского яхт-клуба за 1909 год. – С. 49.
8. Отчет Комитета Черноморского яхт-клуба за 1898 г. – Одесса 1899 г. – С. 22.
9. Отчет Черноморского яхт-клуба XXII года. – Одесса, 1898 г. – 30 с.

МОТИВ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ 1968–1985 ГОДОВ

Прилуцкая Глафира Игоревна

*магистр, младший научный сотрудник,
Народный военно-исторический музей
Великой Отечественной войны
«Самбекские высоты»,
РФ, с. Самбек*

THE MOTIF OF MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN SOVIET CINEMA OF 1968–1985

Prilutskaya Glafira Igorevna

*Master's Degree, Junior Research Fellow,
National military-historical museum
of the Great Patriotic War «Sambek Heights»,
Russia, Sambek village*

Аннотация. Статья посвящена анализу мотива памяти о Великой Отечественной войне в советском кинематографе 1968–1985 годов. На основе рассмотрения художественных, драматургических и визуальных приемов выявляются ключевые формы и функции мемориального нарратива в военных фильмах данного периода. Особое внимание уделяется соотношению официальных и личностных аспектов памяти, а также трансформации образов войны в контексте культурной и идеологической политики СССР.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the motif of memory of the Great Patriotic War in Soviet cinema of 1968–1985. Based on the examination of artistic, dramaturgical, and visual techniques, the study identifies the key forms and functions of the memorial narrative in war films of this period. Particular attention is paid to the correlation between official and personal aspects of memory, as well as to the transformation of war images in the context of the cultural and ideological policy of the USSR.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советский кинематограф, мотив памяти, мемориальная культура, военный фильм, экранный образ войны, ретроспекция, параллельный сюжет, мемориальный нарратив.

Keywords: Great Patriotic War, Soviet cinema, motif of memory,

memorial culture, war film, screen image of war, retrospection, parallel plotline, memorial narrative.

Военная кинематография, посвященная событиям Великой Отечественной войны, занимала значимое место в структуре советского кинопроизводства 1955–1985 гг. и пользовалась устойчивой зрительской популярностью. Однако культурное и идеологическое значение подобных фильмов претерпело заметные изменения между «оттепельным» периодом и временем с конца 1960-х по середину 1980-х годов. В 1950–1960-е гг. картины военной тематики составляли значительную часть кинорепертуара и неизменно привлекали широкую аудиторию, нередко опережая по показателям посещаемости и популярности такие жанровые направления, как комедия, приключенческое кино или «историко-революционные» фильмы [3, с. 32–33].

Анализируя структуру кинорепертуара и динамику зрительских предпочтений в эпоху «оттепели», социолог и историк кино Л. Д. Рондели подчеркивал, что в 1950–1960-е гг. кинематографическая аудитория сохраняла значительное внутреннее единство. Это единство проявлялось в высоком и практически однозначно положительном восприятии как содержательно новаторских, так и художественно разнообразных лент: «Сорок первый», «Баллада о солдате», «Летят журавли», «Судьба человека», «Иваново детство», «Чужие дети». Эти фильмы были востребованы зрителями с различными эстетическими установками и киноопытом [3, с. 7].

Схожее единодушие наблюдалось и в отношении целого ряда знаковых произведений военной тематики периода «оттепели» – «Баллада о солдате», «Летят журавли», «Судьба человека», «Живые и мертвые», «Тишина». Подобная общественная консолидированность в оценке и эмоциональном отклике во многом объяснялась тем, что вплоть до середины 1960-х годов советское общество оставалось напрямую вовлеченным в процесс осмысления событий недавнего прошлого, которые в той или иной форме затронули подавляющее большинство граждан страны [2, с. 200].

Однако уже к концу 1960-х годов в культурной жизни СССР начинают отчетливо проявляться изменения в общественном отношении к событиям Великой Отечественной войны. На рубеже 1960–1970-х годов память о войне получает институциональное закрепление: учреждается официальный праздник – День Победы, разворачивается масштабное возведение мемориальных комплексов («Брестская крепость», «Хатынь», «Мамаев Курган», «Партизанская поляна», «Зеленый пояс Славы» и др.), активизируется деятельность ветеранских организаций, публикуются

историко-патриотические романы и мемуары военачальников, издается фундаментальный труд – многотомная «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.».

Распространение и закрепление официальных мемориальных практик, направленных на трансляцию и актуализацию памяти о войне, имело двойные причины. С одной стороны, советская власть стремилась укреплять свой символический капитал, апеллируя к победе в Великой Отечественной войне как к ключевому источнику политического и морального авторитета. С другой – объективный исторический процесс способствовал смещению восприятия: события войны все более отдалялись во времени, уходили из жизни непосредственные ее участники (что в кинематографе выразительно осмыслено, например, в фильме А. Смирнова «Белорусский вокзал»), а новые поколения, выросшие в послевоенные десятилетия, уже не имели личного опыта военных лет.

Кинематограф 1970-х годов, отражая эти трансформации мемориальной культуры, формировал сложную систему экранных образов, воплощающих индивидуальные и коллективные формы памяти о войне. При этом мотив памяти становится доминирующим в художественной системе значительного числа фильмов военной тематики, прочно занявших место в производственных планах киностудий и в жанровой палитре советского кино 1968–1985 гг.

В этот период можно выделить два основных направления осмысления войны на экране.

Первое – масштабные художественно-документальные эпопеи, выстроенные в соответствии с канонами официальной советской историографии. Примерами служат многосерийные проекты Ю. Озерова «Освобождение» и «Солдаты свободы», трилогия И. Гостева «Фронт», дилогия М. Ершова «Блокада». Эти произведения концентрировались на ключевых военных операциях и воспроизводили ход войны преимущественно «с командного пункта». Изобразительная структура картин характеризовалась постановочной монументальностью, преобладанием широких панорамных планов и натуральных батальных сцен с обилием пиротехнических эффектов, а также статичной «портретностью» изображений военачальников. Главную смысловую нагрузку несли образы реальных исторических лидеров, тогда как второстепенные персонажи выполняли функцию сюжетного «утепления» и воплощали типизированные фигуры эпохи (солдат, пленный, командир, противник) в стандартных ситуациях (подготовка к бою, наступление, отступление, штабное совещание и т.д.). Подобный кинематографический образ войны акцентировал героико-патриотическую жертвенность во имя Родины и воспринимал войну как столкновение двух государственных

систем, продолжая традиции позднесталинских лент – «Падение Берлина», «Сталинградская битва», «Третий удар».

В то же время в 1970-е годы наблюдается развитие художественного приема совмещения «панорамного» взгляда с «окопной» правдой, что обеспечивало эффект синтеза масштабной исторической панорамы и личного опыта рядового участника войны. Примером может служить фильм Г. Егиазарова «Горячий снег», созданный по материалам «лейтенантской прозы». Наиболее яркий образец подобного подхода – картина С. Бондарчука «Они сражались за Родину» по роману М. Шолохова, в которой сюжет строится вокруг четырех дней второго года войны, наполненных чередованием ожесточенных боев и коротких передышек, трагизма и юмора, бытовых сцен и масштабных сражений. Здесь бытовое и монументальное, грубая проза и поэтическая символика органично переплетены.

Второе направление – камерные и «малоформатные» картины, сосредоточенные на личностных и межпоколенческих аспектах памяти о войне. К ним относятся лирико-драматические «А зори здесь тихие...» С. Росточкиго, «В бой идут одни старики» Л. Быкова, психологически насыщенные «Подранки» Н. Губенко, пронзительные «Белорусский вокзал» А. Смирнова, «Вдовы» С. Микаэляна, проникнутые памятью о погибших «Аты-баты, шли солдаты...» Л. Быкова. Несмотря на ограниченность охвата событий, эти фильмы обладали внутренней эпичностью, достигаемой за счет глубины раскрытия персонажей, значимости деталей и расширенного культурно-исторического контекста.

В подобных картинах мотив памяти выступает не просто фоновым элементом, но ключевым компонентом образной структуры, определяющим повествовательную динамику, визуальное решение и актерско-персонажный строй. На материале ленинградского игрового кино 1970-х годов, рассматриваемого в контексте общесоюзного кинопроцесса, возможно выявить многообразие способов художественного воплощения памяти о войне.

Например, в фильме С. Микаэляна «Вдовы» (1976), как и в «Белорусском вокзале» А. Смирнова и «Аты-баты, шли солдаты...» Л. Быкова, воспоминания и их современное эмоциональное звучание становятся основой конфликта и сюжетного развития. История двух женщин, ухаживающих за могилой неизвестных солдат, постепенно расширяется до коллективного переживания памяти о погибших, вовлекающая разные социальные типы – от непосредственных и душевно щедрых героинь до прагматичных представителей местного руководства и формально мыслящей молодежи.

Тонкая разработка характеров, внимание к актерской игре, достоверная бытовая деталь и насыщенная предметная среда (от капающей с потолка воды до «прибереженной» пачки сигарет для «солдатиков») формируют особое эмоциональное поле, в котором память о войне предстает как интимное, личное переживание, а не только как элемент официального мемориального ритуала.

Наряду с этим, мотив памяти в кинематографе военной тематики реализуется и в специфических нарративных конструкциях, опирающихся на ретроспективный монтаж. В фильмах «Пристань на том берегу» С. Шустера (1971), «Расскажи мне о себе» С. Микаэляна (1971), «Подранки» Н. Губенко (1976) воспоминания героев структурируют повествование, открывая зрителю как события военных лет, так и внутренние переживания персонажей.

Развертывание событий периода Великой Отечественной войны посредством ретроспекций, выраженных в форме воспоминаний центрального персонажа, представляет собой ключевую композиционную стратегию, лежащую в основе фильма «Память» Г. Никулина (1975). Драматургическая структура картины строится на судьбе жительницы блокадного Ленинграда, история которой раскрывается в обрамлении двух симметричных сцен: фильм начинается и завершается эпизодами торжественного открытия мемориала «Героическим защитникам Ленинграда» на площади Победы, где главная героиня выступает непосредственной участницей церемонии. После панорамного введения в пространство действия авторы незамедлительно переводят оптику повествования на субъективное восприятие героини, фиксируя ее взгляд на многофигурных скульптурных композициях, воплощающих образы защитников города и его жителей в годы блокады. Монтажная организация, чередующая крупные планы лица героини с ритмически выстроенными изображениями монумента, постепенно вовлекает зрителя в ее внутренний мир, в поток воспоминаний и эмоциональных ассоциаций. Благодаря такому художественному обрамлению краткое мемориальное событие настоящего интегрируется с военными воспоминаниями, формируя единое интенсивное время-пространство, где символическая значимость монумента соединяется с живой памятью человеческого сердца.

Следует отметить, что аналогичный прием, лишенный субъективного авторского восприятия персонажа, утрачивает образную глубину и превращается в декларативный штамп. Так, внефабульная сцена торжественного открытия памятника героям Великой Отечественной войны служит экспозицией фильма «Ижорский батальон» Г. Казанского (1972), а в картине «В то далекое лето» Н. Лебедева (1974) аналогичная

сцена завершает повествование. В обоих случаях изображение сопровождается закадровым текстом нейтрального повествователя, повторяющим эпиграфы, уже запечатленные в камне монументов. Подобные эпизоды, не интегрированные в систему основных событий, выглядят как риторические вставки, не несущие художественной нагрузки, а сама сюжетная ткань, как, например, в «В то далекое лето», приобретает характер иллюстративного пересказа событий героического прошлого.

Мотив открытия мемориальных комплексов, массово реализуемый на рубеже 1960–1970-х годов, стал одним из наиболее распространенных элементов военных фильмов этого периода. Однако лишь в тех случаях, когда он был органично включен в драматургическую структуру и служил смыслообразующей доминантой повествования, данный компонент обретал подлинную художественную силу. Примером подобного использования можно назвать эмоционально насыщенный финал картины С. Росточкиго «А зори здесь тихие...», где старшина возлагает памятную табличку на месте гибели девушек-зенитчиц, что наполняет эпизод высокой мемориальной значимостью.

Наряду с ретроспективной формой в повествовательной организации военных фильмов 1970-х годов мотив памяти нередко реализуется через параллельное развитие двух сюжетных линий, соединяющих прошлое и настоящее. Эта драматургическая особенность ярко выражена в фильмах «А зори здесь тихие...» С. Росточкиго и «Аты-баты, шли солдаты...» Л. Быкова. В первой картине современная героиня, ровесница погибших зенитчиц, открывает для себя живописные места былых боев «местного значения», а финальный эпизод – обмен участливым взглядом со старшиной и возложение цветов – превращает ее из наблюдателя в сопричастного участника коллективной памяти.

Сходная структура обнаруживается в фильме «Аты-баты, шли солдаты...», где две равноценных сюжетные линии смыкаются в финале на поле боя весны 1944 года, память о котором весной 1974 года чтят дети погибших бойцов противотанкового взвода. Помимо оригинального построения, картина выделяется особой эмоциональной теплотой и достоверностью, свойственными творчеству Л. Быкова. Показателен прием «фольклоризации» военной памяти: рассказ водителя о подвиге 18 пехотинцев, уничтоживших 18 танков, переданный «из уст в уста», трансформируется в развернутую галерею конкретных человеческих судеб, объединенных общей готовностью «стоять насмерть во имя жизни» (эпиграф фильма).

Мотив памяти получает развитие и в работах ленинградского режиссерского дуэта А. Вехотко и Н. Трощенко – «О тех, кого помню и люблю» (1973) и «Кадкина всякий знает» (1976). В первой картине,

выполненной в форме доверительной интонации личного рассказа, воспоминания героя (закадровый голос В. Золотухина) сопрягаются с визуальными зарисовками ленинградских улиц, создавая эмоциональный фон для истории командира женского саперного батальона. Во второй – образный эффект достигается посредством архивных фотографий и музыкальной композиции «Прощание славянки», что задает тему народной памяти, в рамках которой разворачивается повествование о возвращении солдата Кадкина (Г. Бурков) с неожиданным «трофеем» – младенцем, найденным в военные годы.

Особое место занимает прием внефабульных прологов и эпилогов, использованный А. Германом в «Проверке на дорогах» и «Двадцать дней без войны». В первом случае визуальный ряд, фиксирующий военные преступления оккупантов, сопровождается закадровым рассказом очевидца, создающим эффект документального свидетельства. Во втором – монтажная структура складывается из фрагментов памяти, возможно принадлежащих как самому герою (Ю. Никулин), так и дистанционному рассказчику (голос К. Симонова).

В целом мотив памяти становится одним из центральных элементов образной системы отечественного военного кино 1970-х годов. Он может выступать сюжетным каркасом («Вдовы» С. Микаэляна, «Белорусский вокзал» А. Смирнова, «Аты-баты, шли солдаты...» Л. Быкова), реализовываться в виде ретроспекций («Пристань на том берегу» С. Шустера, «Подранки» Н. Губенко, «Память» Г. Никулина), параллельного сюжетного развития («А зори здесь тихие...» С. Ростоцкого, «Аты-баты, шли солдаты...» Л. Быкова) или же внефабульных вставок («Ижорский батальон» Г. Казанского, «В то далекое лето» Н. Лебедева, «О тех, кого помню и люблю» А. Вехотко и Н. Трощенко) [4; 5, с. 117-124; 6].

Художественная установка на сохранение и актуализацию военной памяти формирует особую жанровую и эмоционально-смысловую общность советских военных фильмов 1970-х годов, укорененную в мемориальной культуре эпохи. При этом, как справедливо отмечает А. Гусев, военный фильм не обладает универсальной драматургической моделью [1], а объединяющее начало подобных картин заключается не в материале или приемах, а в глубинном идейно-образном родстве. В случае фильмов «А зори здесь тихие...», «Аты-баты, шли солдаты...», «Они сражались за Родину», «Двадцать дней без войны» это родство проявляется в устойчивом мотиве памяти, который становится смысловым ядром и эстетической доминантой произведения, определяя его место в культурном пространстве отечественного кино 1968–1985 годов.

Список литературы:

1. Андреевич Х. Д. «Военный фильм» как жанр: мотивы памяти в образной системе фильмов о Великой Отечественной войне 1970-х годов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 6–2. С. 131–136.
2. Марголит Е. Я. Советское киноискусство. Основные этапы становления и развития: (Крат. очерк истории худож. кино): Учеб. пособие. Москва: ВЗНУИ, 1988. 98 с.
3. Рондели Л. Д. Кино и его аудитория: аналитическая летопись взаимоотношений 1969-2010 гг. Москва: Л. Д. Рондели, 2013. 441 с.
4. Clarke J. War films: London : Virgin, 2006. 318 с.
5. Neale S. Genre and Hollywood: London ; New York : Routledge, 2000. 358 с.
6. The war film: New Brunswick, N.J. : Rutgers University Press, 2004. 258 с.

РАЗДЕЛ 2.

ПОЛИТОЛОГИЯ

2.1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ОПЫТ СТРАН ЮЖНОЙ АЗИИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ СОВРЕМЕННЫМ ФОРМАМ КИБЕР- И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА

Джигкаев Алан Хасанович

младший научный сотрудник,

Центр научно-аналитической информации

Института востоковедения РАН,

РФ, г. Москва

Введение

Цифровизация радикально изменила конфигурацию угроз безопасности, усилив уязвимость критически важных сервисов и открыв террористическим организациям новые каналы влияния. На международном уровне рамкой для противодействия злоупотреблению новыми технологиями выступает Делийская декларация КТК СБ ООН (2022), подчёркивающая необходимость кооперации государств, взаимодействия с частным сектором и соблюдения прав человека [1]. Практические подходы к институциональному укреплению потенциала правоохранительных органов систематизированы в руководствах Управления ООН по борьбе с терроризмом (UNOCT) [2].

Понятийные и правовые основания

Кибертерроризм целесообразно трактовать как умышленное использование ИКТ для причинения значительного вреда критической информационной инфраструктуре, государственным и общественным институтам

либо населению с политически мотивированными целями запугивания и принуждения. Он отличается от корыстной киберпреступности, от символического «хактивизма» и от кибервойны (где субъект – государство). На национальном уровне ключевыми инструментами Индии выступают Правила об информационных посредниках и этике цифровых медиа (IT Rules 2021, с изм. 2022/2023), которые закрепляют обязанности платформ по модерации контента, раскрытию процедур и работе механизмов жалоб [3], а также Директивы CERT-In (2022), устанавливающие шестичасовой срок уведомления об инцидентах и требования к ведению журналов [4].

Платформенная экосистема всё активнее внедряет отраслевые механизмы сдерживания распространения террористического контента. Ассоциация GIFCT поддерживает межплатформенную базу хэшей (Hash-Sharing Database), позволяющую оперативно выявлять и блокировать известные материалы экстремистского содержания [5; 6]. Для проверки происхождения и целостности мультимедийного контента развивается открытый стандарт C2PA (Content Credentials) [7]. На парламентском уровне прорабатываются принципы контроля за злоупотреблением ИИ террористами при обеспечении прав человека [8].

Террористические сети в регионе последовательно используют закрытые и полуоткрытые каналы коммуникации (мессенджеры, форумы, self-hosted-платформы) для координации, вербовки и пропаганды. Исламское государство «Хорасан» (ISKP) (террористические организации, деятельность которых запрещена в России, прим. ред), системно наращивает мультязычную онлайн-пропаганду (в т.ч. через издания серии «Voice of Khorasan»), адаптируя контент под разные аудитории и давая методические рекомендации по выбору каналов связи [17; 18]. Генеративный ИИ используется для массового производства визуальных и аудиоматериалов, включая дипфейки, что повышает барьеры для их обнаружения и атрибуции [8].

Технологии беспилотной авиации (БПЛА) применяются как в разведывательных, так и в ударных целях, а также для переброски запрещённых предметов через протяжённые и трудно контролируемые границы. Показательное событие – атака на авиабазу в Джамму (Индия) 27 июня 2021 г., впервые продемонстрировавшая боевое применение дронов против оборонного объекта в стране [9].

Финансирование террористических активностей всё заметнее опирается на криптоактивы: отчёты аналитических компаний и ФАТФ фиксируют расширение использования стабильных монет и дешёвых сетей перевода (особенно в розничных, каскадных сборах), при этом прозрачность блокчейна одновременно облегчает финансовую разведку [12; 13; 14].

Южная Азия неоднородна по уровню киберустойчивости и кадровой обеспеченности. Дефицит специалистов по кибербезопасности остаётся системным и напрямую сказывается на скорости реагирования и качестве форензики [15]. Индикаторы ИТУ (GCI) демонстрируют различия в зрелости правовых, организационных и технических мер между государствами региона [16]. География (протяжённые границы, сложные участки рельефа) облегчает контрабандные и дронные логистические каналы; высокая доля устаревших ИС в госсекторе и на госпредприятиях усугубляет поверхностную экспозицию.

Практики противодействия: правовые, технические и организационные меры

В ответ государства усиливают регуляторные и технологические барьеры. В Индии действуют «Drone Rules 2021», регламентирующие регистрацию БПЛА и их эксплуатацию через платформу Digital Sky, а также механизмы зонирования и разрешительных процедур [10]. Отдельно сформулированы «Национальные рекомендации по противодействию злонамеренным дронам», предусматривающие многоуровневое развертывание средств обнаружения и подавления с учётом чувствительности объектов [11]. На сетевом и приложенческом уровнях расширяется внедрение DDoS-фильтрации, WAF, механизмов инспекции трафика и журналирования в соответствии с директивами CERT-In [4].

На уровне экосистемы платформ и промышленных коалиций применяются межплатформенные базы хэшей GIFCT (для быстрого «распознавания-по-отпечатку») [5; 6] и практики происхождения контента на основе C2PA [7], что снижает эффективность повторной загрузки уже известных материалов и позволяет маркировать источники. Международные руководства UNOCT подчёркивают важность специализированной подготовки следователей и построения «сквозных» цепочек доказательств для цифровых дел с террористической компонентой [2].

Особым направлением становится поддержка гражданских инициатив по повышению цифровой грамотности и противодействию онлайн-насилию, в т.ч. среди уязвимых групп. Пример – многофазная программа «Digital Shakti» Национальной комиссии по делам женщин Индии в партнёрстве с CyberPeace Foundation (с 2018 г., расширение в 2022–2024 гг.).

Эскалации в Индии и Пакистане сопровождаются всплесками «хактивистских» кампаний: волны DDoS, дефейсы, попытки подмены данных и спуфинга, синхронизированные с информационными операциями. Весной 2025 г. после обострения (включая «Операцию Синдур») фиксировались серии скоординированных атак на государственные и отраслевые

ресурсы Индии, в которых участвовали как региональные, так и транснациональные группы [19]. Практика таких эпизодов подтвердила значимость заранее подготовленных плейбуков реагирования, отказоустойчивой сетевой архитектуры, резервирования DNS/CDN и тесного сотрудничества между провайдерами и госструктурами.

Миграция платформ к более жёстким режимам модерации, применение проактивного выявления, а также расширение следственных полномочий требуют постоянной правовой калибровки. Международные документы подчёркивают: меры противодействия должны соответствовать международному праву, включающему права человека, гуманитарное и беженское право [1], а парламентские институты – обеспечивать прозрачный и подотчётный контроль при использовании ИИ в целях безопасности [8]. Практическая совместимость юридических режимов (нацправа, политики платформ, отраслевых стандартов) – ключ к легитимности и устойчивости контртеррористической политики в цифровой сфере.

Заключение

Опыт Южной Азии показывает, что кибер- и технологический терроризм – это «сквозная» угроза, интегрирующая информационные, финансовые и физические компоненты. На стороне террористов – низкий порог доступа к технологиям (мессенджеры, БПЛА, дешёвые криптовалютные транзакции, инструменты генеративного ИИ) и способность быстро мигрировать между платформами. На стороне государств – растущее нормативное и техническое «полотно» мер: от обязательного журналирования инцидентов и ответственности посредников до межплатформенных баз хэшей и стандартов происхождения контента, а также контрдроновых протоколов.

Стратегический приоритет – укрепление кадрового и институционального потенциала, совместимость национальных норм с международными стандартами и выстраивание доверия между государством, бизнесом и гражданским обществом. В практическом плане наиболее результативной оказывается комбинация: (а) риск-ориентированного надзора, (б) заранее отлаженных процедур реагирования, (в) международного обмена данными и (г) непрерывного образования и превенции.

Список литературы:

1. United Nations Security Council Counter-Terrorism Committee. Delhi Declaration on Countering the Use of New and Emerging Technologies for Terrorist Purposes. 29.10.2022. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ctc> (дата обращения: 30.08.2025).

2. UNOCT. Guide for Establishing Law Enforcement Units to Counter Terrorist Use of ICT (материалы и публикации). New York: UN, 2023. URL: <https://www.un.org/counterterrorism> (дата обращения: 30.08.2025).
3. Government of India. The Information Technology (Intermediary Guidelines and Digital Media Ethics Code) Rules, 2021 (с изм. на 06.04.2023). New Delhi: MeitY, 2023. URL: <https://www.meity.gov.in> (дата обращения: 30.08.2025).
4. CERT-In. Directions No. 20(3)/2022 от 28.04.2022 о сообщении об инцидентах и ведении логов. New Delhi, 2022. URL: <https://www.cert-in.org.in> (дата обращения: 30.08.2025).
5. Global Internet Forum to Counter Terrorism (GIFCT). Hash-Sharing Database (HSDB): Overview. 2022–2025. URL: <https://gifct.org/hsdb> (дата обращения: 30.08.2025).
6. GIFCT. Hash-Sharing Database Review: Challenges and Evolving Inclusion Parameters. 02.2025. URL: <https://gifct.org> (дата обращения: 30.08.2025).
7. Coalition for Content Provenance and Authenticity (C2PA). Content Credentials Standard. 2024–2025. URL: <https://c2pa.org> (дата обращения: 30.08.2025).
8. OSCE Parliamentary Assembly. Outcome Document of the 4th Parliamentary Policy Dialogue on Preventing and Countering the Use of AI and Emerging Technologies by Terrorists. 05.12.2024. URL: <https://www.oscepa.org> (дата обращения: 30.08.2025).
9. Reuters. India probes suspected use of drones in blast at Jammu air base. 27.06.2021. URL: <https://www.reuters.com> (дата обращения: 30.08.2025).
10. Ministry of Civil Aviation (India). Drone Rules, 2021 (25.08.2021) и материалы Digital Sky. New Delhi, 2021–2025. URL: <https://www.civilaviation.gov.in>; <https://digitalsky.dgca.gov.in> (дата обращения: 30.08.2025).
11. Ministry of Civil Aviation (India). National Counter Rogue Drone Guidelines. New Delhi, 2019/обновл. 2024. URL: <https://www.civilaviation.gov.in> (дата обращения: 30.08.2025).
12. Chainalysis. 2025 Crypto Crime Report (включая данные за 2024 г.). 15.01.2025. URL: <https://www.chainalysis.com> (дата обращения: 30.08.2025).
13. FATF. Targeted Update on Implementation of FATF Standards on Virtual Assets and VASPs. Paris, 27.06.2023. URL: <https://www.fatf-gafi.org> (дата обращения: 30.08.2025).
14. Europol. Internet Organised Crime Threat Assessment (IOCTA) 2024. The Hague, 2024. URL: <https://www.europol.europa.eu> (дата обращения: 30.08.2025).
15. ISC2. 2024 Cybersecurity Workforce Study. 31.10.2024. URL: <https://www.isc2.org> (дата обращения: 30.08.2025).
16. ITU. Global Cybersecurity Index (GCI) 2020. Geneva: ITU, 2021. URL: <https://www.itu.int> (дата обращения: 30.08.2025).

17. Tech Against Terrorism. ISKP intensifying online propaganda targeting multiple regions. 23.09.2024. URL: <https://techagainstterrorism.org> (дата обращения: 30.08.2025).
18. Counter Extremism Project. ISKP's «Voice of Khorasan» recommends Telegram; weekly monitoring note. 04.02.2025. URL: <https://www.counterextremism.com> (дата обращения: 30.08.2025).
19. Radware. Escalating Hacktivist Attacks Amidst India-Pakistan Tensions (Threat Advisory). 08.05.2025. URL: <https://www.radware.com> (дата обращения: 30.08.2025).

РАЗДЕЛ 3.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

3.1. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК ОСНОВА КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ НАРОДОВЛАСТИЯ

Скопинцев Сергей Валерьевич

студент,

*Саратовская государственная
юридическая академия,
РФ, г. Саратов*

LOCAL SELF-GOVERNMENT AS THE BASIS OF THE CONSTITUTIONAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION AND ITS PLACE IN THE SYSTEM OF DEMOCRACY

Sergey Skopintsev

*Student, Saratov State Law Academy,
Russia, Saratov*

Аннотация. В статье рассматривается институт местного самоуправления как фундаментальный элемент конституционного строя Российской Федерации и значимая форма реализации принципа народовластия. Особое внимание уделяется проблемам функционирования института в современных условиях: недостаточной финансовой обеспеченности, централизации власти, низкой гражданской активности. Отмечается, что, несмотря на вызовы, местное самоуправление сохраняет потенциал развития через инициативное бюджетирование, цифровизацию и расширение форм

непосредственного участия граждан. Делается вывод о том, что укрепление местного самоуправления является важнейшим условием демократизации общества и построения правового государства.

Abstract. The article examines the institution of local self-government as a fundamental element of the constitutional system of the Russian Federation and a significant form of the implementation of the principle of popular sovereignty. Particular attention is paid to the challenges of the institution's functioning under modern conditions, including insufficient financial resources, the centralization of power, and low civic engagement. Despite these issues, local self-government retains considerable potential for development through participatory budgeting, digitalization, and the expansion of forms of direct civic involvement. It is concluded that strengthening local self-government is a crucial prerequisite for democratization of society and the formation of a rule-of-law state.

Ключевые слова: Местное самоуправление; конституционный строй; народовластие; Конституция РФ; муниципальное право; муниципальные образования; Федеральный закон № 131-ФЗ; Европейская хартия местного самоуправления; демократия; федерализм; правовое государство; участие граждан; инициативное бюджетирование; территориальное общественное самоуправление.

Keywords: local self-government; constitutional system; popular sovereignty; Constitution of the Russian Federation; municipal law; municipal entities; Federal Law No. 131-FZ; European Charter of Local Self-Government; democracy; federalism; rule-of-law state; civic participation; participatory budgeting; territorial public self-government.

Вопрос о месте и роли местного самоуправления в системе публичной власти Российской Федерации имеет особую актуальность. Он представляет интерес не только для науки конституционного права, но и для практики государственного строительства. Уникальность российской модели обусловлена её историей: начиная с земских реформ XIX века и заканчивая современной Конституцией 1993 года, государство неоднократно искало баланс между централизованным управлением и местной инициативой.

Развитие российского общества происходило в условиях огромной территории, полиэтничности населения и разнообразия религиозных и культурных традиций. Эти факторы предопределяли сложность построения единой системы управления, способной учитывать интересы местных сообществ. История показала: чрезмерная централизация власти приводила к отрыву государства от потребностей граждан, тогда как

попытки децентрализации без чётких правовых рамок вызывали фрагментацию управления и ослабление государства.

Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 году, стала поворотным моментом. В ней впервые в истории современной России местное самоуправление было закреплено как самостоятельный институт, не входящий в систему органов государственной власти (ст. 12). Тем самым государство признало важность самостоятельной организации граждан на местах и их право решать вопросы, непосредственно затрагивающие их интересы.

Конституция РФ закрепляет, что Россия является демократическим, федеративным, правовым государством (ст. 1). Эти характеристики неразрывно связаны между собой: демократический характер выражается в признании народа носителем суверенитета; федерализм – в многоуровневой системе власти и территориальной дифференциации; правовое государство – в верховенстве закона и защите прав человека.

Народовластие – центральный принцип демократического устройства. Оно означает, что именно народ является источником власти, а государственные и муниципальные органы лишь её формы. Конституция (ст. 3) подчёркивает, что народ осуществляет свою власть как непосредственно (через референдумы, выборы, собрания), так и через систему представительных органов. Таким образом, местное самоуправление является частью этого механизма – оно обеспечивает участие граждан в принятии решений на том уровне, где их интересы выражаются наиболее ясно.

В юридической науке местное самоуправление трактуется двояко: как деятельность населения по управлению делами местного значения; как совокупность органов, уполномоченных решать задачи локального уровня.

Европейская хартия местного самоуправления (1985 г.) предлагает определение, согласно которому местное самоуправление – это право и реальная способность органов местного уровня регулировать и управлять значительной частью публичных дел в интересах населения. Российский законодатель в Федеральном законе № 131-ФЗ развивает эту идею, но делает акцент на непосредственной роли населения: именно граждане, а не органы власти, выступают первоисточником муниципальной инициативы.

Таким образом, местное самоуправление в России сочетает два измерения: институциональное (система органов) и демократическое (участие населения).

Правовые основы и формы реализации Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» закрепляет перечень вопросов местного значения: от благоустройства территорий

и содержания жилищного фонда до организации муниципального транспорта и управления земельными ресурсами.

Формы участия населения включают:

- выборы представительных органов;
- местные референдумы;
- сходы граждан;
- публичные слушания;
- инициативные проекты;
- опросы и собрания.

Каждая из этих форм позволяет жителям непосредственно влиять на принимаемые решения. Однако на практике их использование зависит от активности граждан и готовности муниципальных органов к диалогу.

Конституция РФ предусматривает целый комплекс гарантий:

Организационная независимость. Органы местного самоуправления не входят в систему государственной власти (ст. 12 Конституции РФ).

Имущественная база. Муниципальные образования владеют и распоряжаются собственностью, включая землю и объекты инфраструктуры.

Финансовая автономия. Органы местного самоуправления формируют и исполняют местные бюджеты, устанавливают налоги и сборы в пределах федерального законодательства.

Нормативная самостоятельность. Муниципалитеты принимают правовые акты по вопросам местного значения.

Эти элементы создают основу для реального участия населения в управлении территорией.

Несмотря на наличие правовых основ, практика реализации местного самоуправления сталкивается с рядом трудностей:

Недостаток финансовых ресурсов. Местные бюджеты часто дефицитны, что ограничивает возможности решения задач местного значения.

- Зависимость от региональных властей. Хотя Конституция гарантирует самостоятельность, субъекты федерации нередко усиливают контроль за муниципалитетами.

- Низкая активность населения. Участие граждан в референдумах и слушаниях остаётся ограниченным, что снижает демократический потенциал института.

- Правовые пробелы. Некоторые вопросы компетенции местного самоуправления недостаточно чётко урегулированы, что вызывает споры между муниципальными и государственными органами.

Современная Россия переживает процессы централизации власти, что неизбежно отражается и на местном самоуправлении. Укрупнение муниципальных образований, передача полномочий на региональный

уровень, сокращение числа выборных должностей – всё это ведёт к снижению самостоятельности местных сообществ.

Вместе с тем существует и обратная тенденция: развитие инициативного бюджетирования, практика «народных проектов», рост активности в сфере территориального общественного самоуправления. Эти формы показывают, что при правильной поддержке граждане готовы участвовать в решении локальных проблем.

Перспективы развития института связаны с:

- укреплением финансовой базы муниципалитетов;
- расширением форм электронного участия (онлайн-голосования, цифровые платформы для инициатив);
- повышением правовой грамотности населения;
- созданием системы подготовки кадров для органов местного самоуправления.

Местное самоуправление – это не просто административный уровень управления. Оно выступает ключевым элементом конституционного строя и одновременно механизмом реализации народовластия. Через муниципальные органы и формы непосредственного участия граждан реализуется принцип суверенитета народа, закреплённый в Конституции.

Для устойчивого развития России необходима реальная, а не формальная самостоятельность местного самоуправления. Усиление его финансовой и организационной базы, повышение вовлечённости граждан, а также учёт региональных и культурных особенностей – вот факторы, которые обеспечат эффективное функционирование данной институции.

Список литературы:

1. Аминов И.Р. Конституционно-правовое обеспечение самоопределения народов Российской Федерации // Вестник БИСТ. 2014. № 4 (25).
2. Дмитриев Ю.А. Муниципальное право России. М.: Профобразование, 2006.
3. Европейская хартия местного самоуправления. Ратифицирована Федеральным законом от 11.04.1998 № 55-ФЗ.
4. Конституция Российской Федерации (принята 12.12.1993, с последующими поправками).
5. Князев С.Д. Местное самоуправление в РФ: конституционная природа и значение для муниципального права // Журнал российского права. 2008. № 6.
6. Рафикова Г.Х., Аминов И.Р. Местное самоуправление в РФ: пути становления и развития // Материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. «Политика и право...». 2015.
7. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ».

3.2. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

НЕРАВЕНСТВО ОТВЕТСТВЕННОСТИ ТОРГОВЫХ СЕТЕЙ И ПОСТАВЩИКОВ ЗА НАРУШЕНИЕ УСЛОВИЙ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ

Смирнов Алексей Николаевич

*аспирант,
АНОВО Институт социальных наук,
РФ, г. Москва*

UNEQUAL LIABILITY OF RETAIL CHAINS AND SUPPLIERS FOR VIOLATION OF THE SUPPLY CONTRACT

Alexey Smirnov

*Postgraduate student of Institute of Social Sciences,
Russia, Moscow*

Аннотация. Статья посвящена проблеме неравенства ответственности торговых сетей и поставщиков за нарушение договоров поставки. Автор анализирует типовые договоры крупных торговых сетей, выявляя дисбаланс в размере ответственности сторон договора, что противоречит принципам Кодекса добросовестных практик взаимоотношений между торговыми сетями и поставщиками потребительских товаров (КДП). В статье предлагаются изменения в законодательство для установления взаимной ответственности сторон и справедливых условий сотрудничества.

Abstract. The article is devoted to the problem of unequal liability of retail chains and suppliers for violation of supply contracts. The author analyzes standard contracts of large retail chains, revealing an imbalance in the amount of liability of the parties to the contract, which contradicts the principles of the Code of Good Practices of Relations between Retail Chains and Suppliers of Consumer Goods. The article proposes amendments to the legislation to establish mutual responsibility of the parties and fair terms of cooperation.

Ключевые слова: торговые сети; закон о торговле; кодекс добросовестных практик; административно-правовое регулирование; ответственность.

Keywords: retail chains; law on trade; code of good practices; administrative and legal regulation; responsibility.

Правоотношения между торговыми сетями и поставщиками играют важную роль в современной экономике. Торговые сети являются ключевым звеном в цепочке поставок, обеспечивая доступ конечных потребителей к широкому ассортименту товаров и выступая посредниками между производителями и покупателями, что делает их деятельность неотъемлемой частью экономической системы. При этом роль торговых сетей заключается не только в самой продаже товаров, но также формировании спроса, управлении ассортиментом и логистическими операциями.

Благодаря своей масштабности и сформировавшейся рыночной власти, крупные торговые сети нарастили значительную переговорную силу в отношениях с поставщиками. Это позволяет им диктовать условия договоров, а поставщики, особенно мелкие и средние, часто вынуждены соглашаться на невыгодные условия, чтобы сохранить доступ к рынку. Среди прочего, это проявляется в том, что торговые сети имеют возможность навязывать поставщикам несправедливые условия договоров, в частности, включая завышенные и экономические не обоснованные штрафы за нарушение обязательств.

Анализ типовых договоров поставки, предлагаемых крупными торговыми сетями, показывает, что практически все они содержат значительное количество штрафных санкций для поставщиков. В качестве оснований для штрафов поставщикам могут быть:

- 1) невыполнение заказа, включая недопоставку;
- 2) задержка поставки;
- 3) несоответствие качества товара;
- 4) нарушение маркировки;
- 5) отсутствие или ошибки в документах;
- 6) задержка вывоза непринятого или возвращаемого товара;
- 7) просрочка выплаты премии за объем закупок;
- 8) нарушение прав на интеллектуальную собственность.

Примечательно, что в большинстве договоров наблюдается значительный дисбаланс в объеме ответственности за неисполнение обязательств, который проявляется в том, что ответственность сетей за нарушения либо не предусмотрена, либо значительно ниже, чем для поставщиков.

В таблице ниже представлены основные виды нарушений и размеры штрафов, установленные для поставщиков в проанализированных автором договорах различных торговых сетей. Основная часть штрафов определяется в процентах от стоимости партии товара, связанной с нарушением, таким как недопоставка, задержка доставки, несоответствие качества или маркировки, ошибки в сопроводительных документах и прочее.

Таблица 1.

Основные виды нарушений и размеры штрафов, установленные для поставщиков в проанализированных автором договорах различных торговых сетей

Нарушение	Наличие и размер штрафа для поставщика за нарушение в типовом договоре торговой сети			
	Магнит	ОКЕЙ	Дикси	Лента
Недопоставка	15%	15%	15%	10%
Опоздание	15%	15%	15%	10%
Ненадлежащее качество	20%	250 000 руб.	15%	50 000 руб.
Ненадлежащая маркировка	3%	нет	15%	50 000 руб.
Отсутствие / ошибки в товаросопроводительных документах	5%	0,1% в день	5%	18%
Просрочка вывоза товара	нет	нет	5%	нет
Нарушение срока выплаты вознаграждения	нет	нет	нет	нет
Нарушение прав третьих лиц на объекты интеллектуальной собственности	20%	1 млн руб.	нет	1 млн руб.

Как видно из таблицы, размер штрафов для поставщиков за такие нарушения, как недопоставка или опоздание, составляет 15% от стоимости товара, что значительно превышает среднюю рентабельность торговых сетей, в связи с чем такой размер представляет экономически необоснованным. Согласно статистическим данным, средняя рентабельность торговых сетей по чистой прибыли, например, в 2022 году составляла от 0,9% до 5,9% [3]. Так, рентабельность сети «О'КЕЙ» составила 0,1%, «Лента» – 0,9%, «Магнит» – 1,5%. Таким образом, штрафы в размере 15% от стоимости товара значительно превышают уровень, необходимый для компенсации убытков торговых сетей. Это

может свидетельствовать о том, что такие штрафы направлены не на компенсацию ущерба, а на извлечение дополнительной прибыли.

Кроме того, штрафы за опоздание с доставкой товара в размере 15% от стоимости всей партии товара являются несправедливыми, так как торговая сеть в итоге получает товар, а значит может его реализовать со своей торговой надбавкой и получить прибыль, несмотря на задержку. Это ущемляет права поставщиков, которые вынуждены нести несоразмерные финансовые потери.

Кодекс добросовестных практик взаимоотношений между торговыми сетями и поставщиками потребительских товаров (КДП) был разработан совместно крупными розничными компаниями и союзами поставщиков для регулирования отношений между торговыми сетями и поставщиками [2]. Кодекс устанавливает принципы добросовестного поведения сторон, включая справедливое распределение ответственности за нарушение договорных обязательств.

Из авторитетных представителей поставщиков и торговых сетей была создана Комиссия по применению КДП. Ее задачи – способствовать внедрению КДП на рынке и урегулировать конфликты между сетями и поставщиками, передавшими споры по КДП на рассмотрение Комиссии.

Комиссия по применению КДП в своих решениях неоднократно указывала на необходимость установления взаимной ответственности сторон договоров поставки. В частности, в решении от 17 октября 2019 года было отмечено, что штрафы должны быть направлены на стимулирование сторон к исполнению обязательств, а не на извлечение дополнительной прибыли. Кроме того, в решении от 10 октября 2018 года Комиссия указала, что практика установления штрафов за просрочку поставки при отсутствии ответственности за задержку приемки товара является недобросовестной [4].

Анализ типовых договоров поставки крупнейших торговых сетей показывает, что их содержание в большинстве случаев противоречит решениям Комиссии по применению КДП. Ответственность сторон договора не является обоюдной: штрафы для поставщиков значительно превышают размеры, установленные для торговых сетей. Кроме того, сам размер штрафов свидетельствует о том, что они направлены на получение дополнительной прибыли, а не на стимулирование сторон к исполнению обязательств.

В связи с этим автор предлагает закрепить в Федеральном законе «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» [1] принцип взаимной ответственности сторон договора поставки: поставщик должен отвечать за недопоставку или

задержку поставки товара, а торговая сеть – за необоснованный отказ от приема товара или его несвоевременное принятие. Кроме того, автор предлагает установить в законе, что штрафы в договорах поставки должны быть направлены на стимулирование сторон к исполнению обязательств, а не на извлечение дополнительной прибыли.

Введение указанного административно-правового регулирования с целью обеспечения справедливых условий договоров поставки будет способствовать развитию добросовестной конкуренции и защите интересов поставщиков, что в конечном итоге положительно скажется на торговой деятельности и экономике в целом.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ, 04.01.2010, № 1, С. 2.
2. Кодекс добросовестных практик взаимоотношений между торговыми сетями и поставщиками потребительских товаров (утв. ФАС России). [Электронный ресурс] // URL: <https://fas.gov.ru/documents/575147> (дата обращения 22.08.2025).
3. Крупнейшие торговые сети в России столкнулись со снижением рентабельности. Издание Деловой Петербург, 2023. [Электронный ресурс] // URL <https://www.dp.ru/a/2023/07/18/krupnejshie-torgovie-seti-v> (дата обращения: 24.08.2025)
4. Решения Комиссии по применению Кодекса добросовестных практик [Электронный ресурс] // URL: <https://codeofconduct.ru/desicion/> (дата обращения 24.08.2025)
5. Типовая форма договора поставки в торговую сеть ДИКСИ [Электронный ресурс] // URL <https://dixy.ru/group/partners/indicators-for-suppliers/> (дата обращения: 23.08.2025)
6. Типовая форма договора поставки продовольственных товаров в торговую сеть Лента [Электронный ресурс] // URL https://lenta.com/globalassets/docs/suppliers/12.2021/standard-delivery-contract_ffod-6.2.3.pdf (дата обращения: 23.08.2025)
7. Типовой договор на поставку товара с EDI в торговую сеть Магнит [Электронный ресурс] // URL <https://srm2.magnit.ru/home/partners/standard-contract-forms> (дата обращения: 23.08.2025)
8. Типовой договор поставки продовольственных товаров в торговую сеть О'КЕЙ [Электронный ресурс] // URL <https://www.okmarket.ru/upload/iblock/33f/Dogovor-postavki.docx> (дата обращения: 23.08.2025)

3.3. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНОИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Смирнова Ксения Васильевна

*старший преподаватель
кафедры административного
права и административной
деятельности ОВД,
Восточно-Сибирский институт МВД России,
РФ, г. Иркутск*

ADMINISTRATIVE PREJUDICE IN CRIMINAL LAW

Ksenia Smirnova

*Senior lecturer
at the Department of Administrative
Law and Administrative
Activities of Internal Affairs,
East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Russia, Irkutsk*

Аннотация. В статье анализируется административная преюдиция, анализируются различные мнения и вопросы ее применения в российском уголовном праве. На основе разных точек зрения по поводу существования в уголовном законе составов с административной преюдицией делается вывод о необходимости введения анализируемых составов.

Abstract. The article analyzes administrative prejudice, analyzes various opinions and issues of its application in Russian criminal law. Based on different points of view regarding the existence of criminal law offenses with administrative prejudice, a conclusion is made about the need to introduce the analyzed offenses.

Ключевые слова: административная преюдиция, уголовное законодательство, преступление, административное правонарушение.

Keywords: administrative prejudice, criminal law, crime, administrative offence.

Термин «преюдиция» (*praejudicium*) дословно означает, во-первых, предрешенность вопроса, во-вторых, влияние факта этой предрешенности на последствия. В теории уголовного права сущность преюдиции раскрывается по-разному. Так, Т.Н. Радько определяет ее как ««разновидность нетипичного нормативного предписания, предрешающего признание обязательности для разбираемого юридического дела, ранее вступившего в законную силу тех или иных актов применения права и затрагивание интересов сторон другого дела» [8, с. 35].

А.В. Карданец пишет, что «преюдиция – это, в первую очередь, прием юридической техники, представляющий собой правило доказывания, предписывающее то, что вступившее в свою законную силу правоприменительное решение уполномоченного на то органа, принятое в установленном законом процессуальном порядке о наличии или отсутствии юридического факта, обязательно для всех органов, разрешающих соответствующее юридическое дело, связанное с ранее разрешенным по поводу этого факта дело» [7].

В.К. Бабаев пишет о преюдиции как о «вступившим в законную силу приговоре или решении суда или же административном акте, изданном уполномоченным органом в установленном законом порядке, о наличии или отсутствии юридического факта или правоотношения, обязательных для суда, разрешающего дело, связанное с ранее разрешенным конфузом» [5, с. 33-38].

Объединяя все эти определения, следует отметить, что преюдиция в праве предполагает влияние ранее вынесенного решения или принятого нормативного правового акта на последующие юридически значимые решения. Конституционный Суд РФ определил административную преюдицию как противоправное деяние, совершенное лицом, ранее уже подвергавшимся административно-деликтному преследованию и наказанию за аналогичные деяния, т.е. имеющим специальную административную наказанность [1].

Научное сообщество неоднозначно восприняло возвращение в уголовное законодательство института административной преюдиции, ранее имевшегося в УК РСФСР 1960 г., но не вошедшего в текст УК РФ 1996 г. Так, Ю.А. Власов, О.А. Михаль пишут, что введение административной преюдиции, хотя и снижает общий уровень репрессивности уголовного закона, так как выводит из его сферы часть деяний, в целом

привносит серьезные проблемы в правовую действительность. в частности, уголовное законодательство рискует выйти из сферы исключительно федеральной юрисдикции, так как пределы административной ответственности могут быть установлены законодательством субъектов РФ. Они также указывают, что это ведет к смешению преступлений и проступков, общественная опасность которых более не выступает определяющим фактором их криминализации [6, с. 119].

С ними соглашается и А.Н. Тарбагаев, указывая, что "повторное административное правонарушение не может образовывать новое качество, т.е. менять характер и степень общественной опасности». Соглашаясь, в принципе, с возможностью усиления ответственности при повторном совершении административного правонарушения (по примеру рецидива в уголовном праве), он, тем не менее пишет, что «повторные административные правонарушения, безусловно, должны влечь более строгие меры воздействия, но обязательно в рамках своей отрасли права» [9, с. 62]. Не согласен с возвращением в текст УК административной преюдиции и Р.М. Акутаев, справедливо отмечающий, что в результате ее применения происходит подмена внутреннего единства признаков состава преступления как основания уголовной ответственности на повторяемость деяния [4, с. 86]. Некоторые противники административной преюдиции указывают, что ее наличие в тексте уголовного закона нарушает принцип справедливости, вводя повторную ответственность за одно и то же деяние. Вместе с тем, Конституционный Суд РФ считает иначе. Так, из определения от 27.06.2017 N 1410-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Авраменко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации", в частности, следует, что «составы преступлений, субъектом которых может быть лишь физическое лицо, ранее подвергнутое административному наказанию за аналогичное противоправное деяние, не предполагают возможность наступления уголовной ответственности за те нарушения, за которые лицо уже было подвергнуто административному наказанию» [2]. Некоторые авторы не разделяют претензий коллег к институту административной преюдиции, указывая, что опасения, связанные с его возвращением в текст УК РФ, не оправдались, тогда как он привнес в правоприменительную практику много положительного, обеспечив существенное увеличение государственно-правового предупреждения преступлений, повысив гибкость правоприменительной практики за счет улучшившейся межотраслевой дифференциации ответственности и возросшей индивидуализации мер ответственности. Необходимым условием применения административной преюдиции является наличие не только факта совершения административного правонарушения, но и привлечения

к ответственности за его совершение, а также сохранение административно-правовых последствий данного деяния.

Вместе с тем, следует отметить, что нормы с административной преюдиции имеют репутацию надежного средства превенции, позволяющего воздействовать на нарушителей избирательно, с учетом сохранения их мотивации на совершение противоправных действий, отсутствием эффекта от ранее примененных мер административной ответственности, потребности более тщательного социального контроля над их применением, хотя некоторые авторы и видят в таких доводах лишь замаскированное стремление государства повысить репрессивность уголовного закона. При этом начало уголовно-правовой реформы, итогом которой стало возвращение в УК РФ института административной преюдиции, стало заявлением Президента РФ о необходимости дальнейшей гуманизации права посредством перевода наименее опасных преступлений в число административных правонарушений (с оговоркой о том, что их повторное совершение влечет за собой ответственность уже уголовную) [3]. Думается, что решение о возвращении в УК РФ института административной преюдиции правильное. Оно обусловлено необходимостью учета не только общественной опасности содеянного, но и общественной опасности лица, совершающего преступление. Кроме того, позволяет в целом снизить репрессивность уголовного закона, избирательно воздействуя при этом на лиц, склонных к совершению административных правонарушений и являющихся потенциальными субъектами преступлений.

Список литературы:

1. Постановление от 10.02.2017 N 2-П "По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина" // Российская газета. – N 41. – 28.02.2017
2. Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 N 1410-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Авраменко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации" // <https://ksrf.ru>
3. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 12.11.2009 г. б/н «О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства» // <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/5979>
4. Акутаев Р.М. Об уголовных проступках и категоризации преступлений в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. // Российская юстиция. 2013. N 5. С. 41- 45.

5. Бабаев, В. К. Презумпции в советском праве / В. К. Бабаев. – Горький : Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 1974. – 122 с.
6. Власов Ю.А., Михаль О.А. Административная преюдиция как вид уголовного проступка // Современное право. 2019. N 6. С. 119 – 125.
7. Карданец А.В. Преюдиции в российском праве. Проблемы теории и практики: дис. канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 181 с.
8. Радько, Т. Н. Теория государства и права схемах и определениях : учебное пособие / Т. Н. Радько ; Т. Н. Радько. – Москва : Проспект, 2011. – 175 с.
9. Тарбагаев, А. Н. Административная ответственность в уголовном праве / А. Н. Тарбагаев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1992. – № 2. – С. 62-68.

ТРУДНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Хоанг Ван Луан

*канд. юрид. наук, преподаватель кафедры юриспруденции,
майор полиции СРВ,
Академия Народной полиции,
Вьетнам, г. Ханой*

DIFFICULTIES AND PROBLEMS OF PROSECUTION OF CORRUPTION CRIMES

Hoang Văn Luan

*PhD in Law,
Lecturer at the Department Jurisprudence,
Police major Socialist Republic of Vietnam,
Vietnam People's Academy of Police,
Vietnam, Hanoi*

Аннотация. В статье рассматриваются основные трудности и проблемы, возникающие при судебном преследовании коррупционных преступлений во Вьетнаме.

Abstract. This article examines the main difficulties and problems encountered in prosecuting corruption crimes in Vietnam.

Ключевые слова: коррупция, трудности, проблемы, судебное преследование.

Keywords: corruption, difficulties, problems, prosecution.

В условиях глобализации и глубокой международной интеграции коррупция превратилась в одну из наиболее серьёзных угроз, оказывая существенное влияние на устойчивое развитие каждой страны. Во Вьетнаме партия и государство неизменно рассматривают профилактику и борьбу с коррупцией как центральную и постоянную задачу, тесно связанную со строительством и совершенствованием социалистического правового государства. В комплексе мер противодействия коррупции судебный процесс занимает ключевое место, обеспечивая не только строгое преследование преступных деяний, но и укрепление доверия населения к руководству партии, законам государства и принципу верховенства права. Однако на практике уголовное преследование по делам о коррупции представляет собой особенно сложную и деликатную сферу. Для таких дел характерно участие должностных лиц и государственных служащих, занимающих высокие посты и обладающих значительными полномочиями; преступления отличаются сложной структурой и длительным характером; сбор доказательств, особенно финансово-экономического характера, затруднён; кроме того, на процесс нередко оказывает сильное влияние общественное мнение. Несмотря на многочисленные изменения и дополнения действующего законодательства, в нём по-прежнему сохраняются пробелы и противоречия, затрудняющие его применение на практике. В условиях реализации принципа «Нет запретных зон, нет исключений» выявление и комплексный анализ трудностей и проблем уголовного преследования коррупционных преступлений имеет не только теоретическое, но и значительное практическое значение. Это создаёт основу для выработки решений, направленных на совершенствование законодательства, повышение качества и эффективности судебной деятельности, что вносит важный вклад в профилактику, выявление и пресечение коррупции в нашей стране.

Недавно Совет судей Верховного народного суда утвердил Постановление № 03/2020/NQ-HDTP от 30 декабря 2020 года, регулирующее применение отдельных положений Уголовного кодекса при рассмотрении дел о коррупционных и иных должностных преступлениях. Документ также закрепил ряд судебных прецедентов, направленных на унификацию практики уголовного преследования и судебного разбирательства. Показательным примером является Прецедент № 19/2018/AL,

касающийся порядка определения стоимости имущества, присвоенного в рамках преступления «хищение имущества» [3].

Указанные нормативные акты и прецеденты помогают судьям, следователям и секретарям судов всех уровней более точно определять стоимость присвоенного имущества, величину ущерба, причинённого коррупционными и иными должностными преступлениями, а также корректно работать с соответствующими доказательствами, денежными средствами и активами, что способствует ускорению судебного процесса.

По данным Верховного народного суда, за период с 1 января 2021 года по 30 сентября 2024 года судами первой инстанции было принято к производству 2664 дела с участием 6823 обвиняемых, а рассмотрено и вынесено решение по 2606 делам с участием 6575 обвиняемых, что составляет соответственно 97,8 % и 96,3 % от общего количества. В их числе – 2099 дел с участием 5076 обвиняемых по обвинениям в коррупционных преступлениях [4].

На практике рассмотрения дел о коррупции и иных преступлениях, связанных с должностными полномочиями, суды всех уровней сталкиваются с рядом трудностей и проблем, требующих дальнейшего нормативного и организационного решения.

1. Трудности сбора и оценки доказательств

Доказательства по делам о коррупции, как правило, напрямую связаны с управлением и использованием государственных активов, бюджетных средств либо с проведением сложных финансовых операций. Вследствие этого процесс их сбора и оценки сопровождается значительными техническими и правовыми трудностями.

Во-первых, коррупционные преступления отличаются сложным, латентным и зачастую продолжительным характером, а также умело маскируются с использованием бухгалтерских записей, фиктивных хозяйственных договоров, поддельных документов и цепочек сделок через многочисленных посредников. Отслеживание движения денежных средств и установление происхождения незаконно полученных активов требует высокой квалификации специалистов и значительных временных затрат, при этом часть активов может быть рассредоточена или легализована в виде инвестиций либо зарегистрирована на третьих лиц.

Во-вторых, основными источниками доказательств служат учреждения и организации, в которых работал обвиняемый. Это создает риск уничтожения, подделки либо искажения документов, а также затрудняет доступ к ним. В ряде случаев обвиняемые не сотрудничают со

следствием или сознательно дают ложные показания с целью защиты сообщников.

В-третьих, законодательство, регулирующее порядок сбора и оценки доказательств, по-прежнему содержит пробелы, особенно в части установления размера ущерба и определения стоимости коррупционных активов. Процедуры оценки зачастую затягиваются, а выводы различных экспертных органов могут быть противоречивыми, что приводит к увеличению сроков рассмотрения дел и усложняет установление виновности и вынесение справедливого приговора.

Наконец, значительные сложности возникают при наличии международного элемента. Перемещение коррупционных активов за рубеж или их связь с трансграничными финансовыми операциями требует проведения международных правовых поручений. Этот процесс является длительным, сложным и во многом зависит от степени сотрудничества иностранного государства.

Перечисленные трудности оказывают прямое влияние как на сроки рассмотрения дел, так и на качество, объективность и обоснованность судебных решений. Это обуславливает необходимость комплексных мер по повышению эффективности процедур сбора, проверки и оценки доказательств в практике расследования и судебного разбирательства дел о коррупционных преступлениях.

2. Сложности применения закона

1. Несмотря на неоднократное совершенствование вьетнамского законодательства о предупреждении, пресечении и уголовном преследовании коррупционных преступлений, особенно после принятия Уголовного кодекса 2015 г. (в ред. 2025 г.) [1] и Закон о борьбе с коррупцией 2018 года [2], судебная практика по-прежнему выявляет ряд проблем.

Во-первых, отдельные положения о составе преступлений сформулированы недостаточно чётко, что порождает разночтения и различную правоприменительную практику. Так, среди органов прокуратуры нет единства в понимании признаков «получения выгоды» или «причинения ущерба» в коррупционных преступлениях, что напрямую влияет на квалификацию деяний и назначение наказаний.

Во-вторых, остаётся несогласованным порядок определения стоимости незаконно присвоенных либо повреждённых активов, являющейся важным фактором при назначении наказания. На практике результаты экспертиз, проводимых уполномоченными органами, могут существенно различаться или даже противоречить друг другу, что затрудняет вынесение судом обоснованного решения.

3. Давление общественного мнения и иные влияющие факторы

Коррупционные дела находятся в центре внимания общества, так как затрагивают использование государственных активов и бюджета, а также обязанности должностных лиц, обладающих властными полномочиями. Это обуславливает повышенное внимание не только компетентных органов, но и СМИ, социальных сетей и широкой общественности.

Во-первых, давление общественного мнения способно повлиять на независимость и объективность судебного разбирательства. Хотя закон закрепляет, что судьи подчиняются только закону, в действительности рассмотрение резонансных дел может сопровождаться излишней осторожностью или зависимостью от общественных ожиданий относительно строгости приговора.

Во-вторых, политическая и организационная чувствительность остаётся серьёзным вызовом. В делах о коррупции нередко фигурируют высокопоставленные должностные лица, что влияет на межведомственные и институциональные отношения. Это требует от суда высокой профессиональной компетентности, строгого соблюдения правовых принципов и минимизации нежелательных политических и социальных последствий.

4. Компетентность и опыт судей

Качество рассмотрения уголовных дел о коррупционных преступлениях в значительной мере определяется уровнем профессиональной компетентности, независимости и практического опыта судей, народных заседателей, а также секретарей и экспертов. Данная категория дел относится к числу наиболее сложных, поскольку требует от судей умения анализировать финансово-бухгалтерские доказательства, глубокого понимания вопросов экономического управления, бюджетной политики, государственных инвестиций и смежных специализированных сфер.

Во-первых, значительная часть судей не имеет углубленной подготовки в области рассмотрения коррупционных дел. Многие из них переводятся из других судебных специализаций, вследствие чего их опыт разрешения сложных правовых ситуаций, связанных с коррупцией, ограничен. Это может приводить к затруднениям при оценке доказательств и применении законодательства, особенно в делах с иностранным элементом или сложными финансовыми операциями.

Во-вторых, работа по повышению квалификации, обновлению юридических знаний и развитию специальных навыков ведётся недостаточно системно и целенаправленно. Несмотря на то, что судебная система регулярно организует обучающие курсы и профессиональные

семинары, их содержание не всегда отвечает практическим потребностям рассмотрения крупных коррупционных дел, а также новых категорий дел, связанных с многоуровневыми и запутанными преступными схемами.

5. Вопросы международного сотрудничества

Во-первых, процесс международного уголовно-правового сотрудничества (судебного поручения) остаётся длительным из-за необходимости соблюдения дипломатических процедур, законодательства государства-исполнителя, а также условий международных договоров, участниками которых являются Вьетнам и соответствующая страна. В ряде случаев задержка позволяет лицам продолжать вывод или сокрытие активов.

Во-вторых, различия в национальном законодательстве и судебных системах затрудняют признание и использование доказательств, полученных за рубежом, в национальных судах. Например, документы, допустимые в одной процессуальной системе, могут не соответствовать требованиям доказательственной базы в другой.

В-третьих, международное сотрудничество в сфере возврата коррупционных активов остаётся недостаточно эффективным.

На основании проведённого анализа можно сделать следующие выводы:

Судебное преследование коррупционных преступлений является одной из ключевых задач в борьбе с коррупцией, поскольку оно обеспечивает неотвратимость наказания, поддерживает общественный порядок и укрепляет доверие граждан к руководству партии и государства. Однако на практике данный процесс всё ещё сталкивается с целым рядом серьёзных трудностей как правового, так и организационного и экспертного характера. Среди наиболее значимых проблем можно выделить: сложность сбора, оценки и использования доказательств; пробелы и несовершенство нормативно-правовой базы; ограниченность возможностей, опыта и ресурсов судебных органов; а также препятствия в сфере международного сотрудничества, особенно в делах с иностранным элементом и в вопросах возврата активов.

Для повышения эффективности судебного преследования коррупционных преступлений в перспективе необходимо комплексно совершенствовать законодательство, обеспечивая его согласованность, прозрачность и соответствие международным стандартам; укреплять систему подготовки и повышения квалификации судей, прокуроров и сотрудников судебных органов; активно внедрять достижения науки

и техники в судебную практику; а также расширять и повышать результативность международного сотрудничества, особенно в сфере взаимной правовой помощи и возврата активов. Лишь при системном решении этих задач судебная система сможет стать надёжным правовым «щитом» в борьбе с коррупцией во Вьетнаме.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс СРВ 2015 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/17225> (дата обращения: 11.08.2025).
2. Закон о борьбе с коррупцией 2018 года
3. Прецедент № 19/2018/AL об определении стоимости имущества, присвоенного при совершении преступления «Хищение чужого имущества».
4. Статистические данные Верховного народного суда с 1 января 2021 года по 30 сентября 2024 года.

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам CIV международной
научно-практической конференции*

№ 9 (104)
Сентябрь 2025 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 08.09.25. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 3,75. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: socialconf@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 1

16+

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru